

УДК 94(47).025
ББК 63.3(2)41
Р89

При проведении конференции использованы средства государственной поддержки, выделенные в качестве гранта в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации от 01.04.2015 № 79-рп и на основании конкурса, проведенного обществом «Знание» России

Материалы конференции изданы при поддержке Фонда «История Отечества»

В оформлении обложки использованы: икона «Святые князья Владимир, Борис и Глеб, с житием Владимира» из собрания Вологодского государственного музея-заповедника (середина – третья четверть XVI в., инв. № 6330); икона «Князь Владимир» из собрания ГТГ (первая треть XV в.).

В оформлении шмуцтитлов использованы фотографии А. Я. Лаврентьева из книги «Русь в IX–X веках: археологическая панорама» (М. ; Вологда : Древности Севера, 2012. С. 2, 419): с. 10–11 – златник Владимира Святославича, с. 278–279 – сребреник Владимира Святославича из собрания ГЭ.

Р89 Русь эпохи Владимира Великого: государство, церковь, культура : материалы Международной научной конференции в память тысячелетия кончины святого равноапостольного князя Владимира и мученического подвига святых князей Бориса и Глеба, Москва, 14–16 октября 2015 г. / Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории, Ин-т археологии, Науч. совет «Роль религий в истории» ; отв. ред. Н. А. Макаров, А. В. Назаренко. – Москва ; Вологда : Древности Севера, 2017. – 551 с.: ил.

ISBN 978-5-93061-106-9

Сборник составляют статьи историков, филологов, археологов, искусствоведов, написанные на основе докладов юбилейной Свято-Владимирской конференции, которая была проведена Российской Академией наук в 2015 г. Они охватывают все стороны государственного, церковного и культурного строительства Руси эпохи ее крестителя князя Владимира (X – середина XI в.). Кроме того, освещены проблемы формирования в русском культурном сознании образа Владимира Великого как просветителя, строителя и небесного охранителя Руси, естественным результатом чего стало церковное прославление св. Владимира.

Для специалистов по истории Древней Руси и всех, интересующихся современным состоянием исследований в этой области.

УДК 94(47).025
ББК 63.3(2)41

ISBN 978-5-93061-106-9

© Институт российской истории РАН, 2017
© Институт археологии РАН, 2017
© Авторы статей, 2017
© Оформление. ООО НИЦ «Древности Севера», 2017

О «судебной реформе» князя Владимира

В ПВЛ под 6504 (996) г. помещен такой текст: «Живяше же Володимеръ в страсъ б(о)жьи, и умножишася разбоеве. И рѣша еп(и)с(ко)пи Володимеру: се умножишася разбоиници, почто не казниши ихъ. Он же реч(е) имъ: боюся грѣха. Они же рѣша ему: ты поставленъ еси от Б(ог)а на казнь злымъ, а добрымъ на милованье, достоить ти казнити разбоиника, но со испытومъ. Володимеръ же отвергъ виры, нача казнити разбоиникы. И рѣша еп(и)с(ко)пи и старци: рать многа, оже вира, то на оружьи и на коних буди. И реч(е) Володимеръ: [так(о) буд(и). И живяше Володимер] по устроенью отъню и дѣдню»¹.

Известный историк-правовед М. Ф. Владимирский-Буданов назвал этот небольшой текст уже более ста лет назад «пресловутым», имея в виду многочисленность как трудностей в его интерпретации, так и попыток преодолеть как-нибудь эти трудности². До сегодняшнего дня, однако, единства в понимании текста нет, хотя ясно обозначилась одна «столбовая», наиболее распространенная трактовка. Эта трактовка предполагает чтение текста по его прямому смыслу: «криминогенная» обстановка в государстве ухудшилась («умножишася разбоеве»), а князь боялся наказывать преступников смертной казнью («казнить»), это привело к вмешательству духовенства (епископов), которое разъяснило, что добросердечие здесь не уместно, – однако затем оказалось, что для казни выгоднее брать штрафы за убийства (виры), чем казнить убийц, и князь стал брать штрафы, как это и было принято при его отце и деде, то есть князьях Святославе и Игоре³. В решении прибегнуть к смертной казни видят попытку судебной реформы, но, принимая на веру заключительные слова, считают, что реформа не состоялась, то есть была ошибочной или неудачной⁴.

¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 126–127; Т. 2. Стб. 111.

² Владимирский-Буданов М. Ф. [Рецензия на: Goetz L.K.] Das Russische Recht. Русская Правда // Киевские университетские известия. 1911. Год 51. № 3 (март). С. 12.

³ См., например, комментарий Д. С. Лихачева: ПВЛ. С. 467.

⁴ См., например: Свердлов М. Б. Домонгольская Русь: князь и княжеская власть на Руси VI – первой трети XIII в. СПб., 2003. С. 291.

Альтернативные трактовки либо предполагают, что текст говорил не о колебаниях князя, а о последовательных решениях, которые привели к некоему положительному изменению юридической практики (к настоящей, успешной реформе)⁵, либо отрицают за рассказом всякую достоверность, считая его «выдумкой» позднейшего летописца-редактора⁶.

На мой взгляд, внимательное прочтение летописного известия обнаруживает явные недомолвки, недоговорки и противоречия в тексте, которые ставят под сомнение возможность его понимания как рассказа о реальных событиях – будь то рассказ о неудачной попытке реформы или о каких-то состоявшихся изменениях. Известие следует понимать, скорее, как притчу, рассказанную образно-символическим языком. В этом смысле был прав В. М. Живов, который мельком (в полемике, лишь краем затронувшей этот летописный фрагмент) заметил, что речь шла о более глубокой и широкой проблеме, чем дилемма «казнить» убийц или брать с них виры, – о проблеме выбора системы права: византийского (смертная казнь) или автохтонного (выкупы), и этот выбор летописец обосновывает (легитимизирует) «с помощью мифологического повествования»⁷.

Летописный текст надо рассматривать не как простой бесхитростный рассказ о том, как всё «было на самом деле», а как литературно-идейную конструкцию. Она призвана была объяснить или оправдать нечто реальное, связанное с Владимиром и его эпохой, но в том ключе, в каком это казалось правильным автору. Особенность летописной конструкции – по сравнению с множеством распространенных в мировой литературе и общественной мысли идеологических схем и историй «с подтекстом» – в том, что ее породили архаичные, отличные от современных способы осмысления действительности. Она строилась не рациональными доводами и логичной аргументацией (как выстраиваются обычно идеологические схемы сегодня), а крепилась символическими и ассоциативными связями и своеобразной риторикой, не чуравшейся игры значениями, умолчаний, подмены понятий и тому подобных приемов. Эти древние объяснительные схемы и рассуждения могут, на современный взгляд, отличаться нелогичностью и односторонностью, а также, как и все идеологические или «мифологические» построения, находиться в далеко неоднозначных и неоднолинейных отношениях с реальностью. Миф (если говорить о мифе в его семиотическо-нарративном понимании), который выстраивал автор этого

⁵ Ключевский В. О. Боярская дума древней Руси. 3-е изд. М., 1902 (репринт: М., 1994). С. 532–534; Goetz L. K. Das russische Recht (Русская Правда). Stuttgart, 1910. Bd 1. S. 193–211.

⁶ Франклин С., Шепард Дж. Начало Руси: 750–1200 / перев. Д. М. Буланина и Н. Л. Лужецкой. СПб., 2009. С. 350.

⁷ Живов В. М. История русского права как лингвосемиотическая проблема // Из истории русской культуры. М., 2002. Т. II, кн. 1: Киевская и Московская Русь / сост. А. Ф. Литвина, Ф. Б. Успенский. С. 734.

летописного рассказа, отталкивался от реальности, но и в то же время интерпретировал ее и даже «деформировал», как выражался Р. Барт⁸.

Обратимся к тексту.

В целом рассказ выглядит неким «вкраплением» в летописное повествование, связанным с последним лишь темой деятельности Владимира, – в известии раскрывается один из аспектов этой деятельности наряду с другими. Конечно, нельзя считать появление этого известия случайным, и инородным оно не выглядит. Но в то же время его можно рассматривать как некое отдельное произведение, целостное и законченное «само в себе».

С точки зрения реалий и действующих лиц, рассказ не обнаруживает анахронизмов, хотя носит явный налет неопределенности или обобщенности, характерный для исторических описаний событий, уже отдаленных во времени. Например, в завязке сюжета появляется тема «разбоев». В самой по себе этой теме нет ничего неуместного. Под «разбоем» на Руси понималось убийство, не спровоцированное личной обидой или враждой и совершённое не публично и как самозащита, а как агрессия, замышленная и осуществленная тайно и неожиданно⁹. Усиление «криминального» элемента в обществе, переживавшем в правление Владимира эпохальный перелом, вполне вероятно. Вместе с тем утверждение «умножишася разбоеве» остается не конкретизированным и не мотивированным контекстом. Почему, как, в какое именно время усилились «разбои», никак не объясняется, и утверждение остается своеобразным «эпическим зачином».

Упоминание нескольких епископов в окружении Владимира не анахронично. Основание митрополии на Руси должно было сопровождаться учреждением и подчиненных ей епархий. Ко времени Владимира можно возводить, по крайней мере, Новгородскую и Белгородскую кафедры¹⁰. Вместе с тем, упоминание «епископов» в безличном и обобщенном множестве тоже, скорее, соответствует «эпическому» стилю, нежели хроникально-фактографическому.

Обычно в таком же неопределенном контексте фигурируют в летописи и «старцы». В каких-то случаях имелась в виду «племенная» или «местная» знать догосударственного происхождения, в других – тогда, когда эти слова прямо связывались с городами (как «старцы градские», «старейшины по градом» и т. п.), – можно предполагать торгово-ремесленную верхушку городов уже эпохи государственной (X–XI вв.). В основном речь шла о людях повышенного социального статуса, авторитет которых был укоренен в традиции и обычном

⁸ Барт Р. Мифологии / перев. с франц., вступ ст. и комм. С. Н. Зенкина. М., 2010. Особ. с. 265–308.

⁹ Мрочек-Дроздовский П. Н. Исследования о Русской Правде. М., 1885. Вып. 2. С. 251–252; Приложение ко второму выпуску. М., 1886. С. 144–168.

¹⁰ Шапов Я. Н. Государство и церковь Древней Руси X–XIII вв. М., 1989. С. 33–36.

праве и связан с повышенным материальным достатком¹¹. Так или иначе, и «старцы» – термин не бессодержательный, но все-таки весьма неопределенный.

В целом социально-правовая терминология известия оказывается размытой и обобщенной. Недостаточно данных, чтобы подозревать автора текста в нарочитости в выборе лексики и выражений, и тем не менее приходится учитывать, что «оптика» различения и описания, при которой объекты расплываются в некой туманной дали, могла быть выбрана автором намеренно.

Впечатление некоторой размытости и неоднозначности усиливается, если вчитаться и вдуматься, собственно, в сам рассказ. Он делится на две основные части – совет князю епископов и совет епископов и «старцев».

Появление епископов не могло не броситься в глаза читателю, поскольку до этого момента летопись ровным счетом ничего не сообщала о церковной иерархии, которая между тем неизбежно должна была появиться на Руси после крещения Владимира и его подданных. И вот, уже в самом конце описания деятельности выдающегося князя, на сцену выходят «епископи».

Суть выступления духовенства сводится к предложению «казнити разбойника, но со испытумъ», и под это предложение они подводят определенную «теоретическую базу». Диалог епископов и князя выдержан последовательно и логично. Первые спрашивают, почему князь не «казнит» разбойников, и тот отвечает, что «боится греха». Если разбойники – это убийцы, а греческие епископы придерживались византийского права, трудно настаивать, что подразумевалось нечто иное, нежели смертная казнь. В ответе Владимир, признавая свою пассивность, оправдывается тем, что «боится греха», – очевидно, не смеет брать на себя ответственность за лишение человека жизни. Ответ выглядит уместно (в соответствии со сложившейся на тот момент ситуацией) и выставляет князя в благоприятном свете, подчеркивая, насколько глубоко и с открытым сердцем он, недавно крестившись и пережив нравственный переворот, принял и осознал христианскую мораль.

Епископы продолжают диалог вполне в соответствии с образцами, которые предписывались церковным проповедникам. Беря на себя учительную функцию, они разъясняют князю, что к общественно-государственным проблемам он должен подходить не как частное лицо, а с сознанием той высокой роли, которая ему присваивается как христианскому правителю. С явной отсылкой к знаменитому месту из Посланий апостола Павла (Римл. XIII, 1–7) епископы кратко и точно излагают «теорию богоустановленности власти»: глава христианского государства имеет особые полномочия (миссию) от Бога для управления своими подданными по справедливости, соответствующей, как подразумевается, христианским ценностям. Как сообщает в итоге летописец, этот убедительный довод заставил князя «отвергнуть» практику выплат за убийства и начать «казнить» разбойников.

¹¹ Стефанович П. С. Бояре, отроки, дружины: военно-политическая элита Руси в X–XI вв. М., 2012. С. 216–217.

Этот внешне логичный рассказ возбуждает между тем ряд вопросов и недоумений.

Начнем с того, что довольно странно выглядит повод выступления епископов. Мало того, что никак не мотивированы «разбои» (летопись не отмечает никаких смут, мятежей и т.п.), совершенно непонятно, почему вообще о них должны были беспокоиться епископы. Уголовное право – это не сфера их компетенции и ответственности. В словах, которые им приписывают, они, собственно, и не настаивают на своем участии в светских суде и управлении. А в самой практике выплат за убийство, хотя она, допустим, и не соответствовала византийской правовой традиции, не было ничего противного христианским канонам.

Недоумение вызывает и Поучение епископов. Для сегодняшнего читателя, воспринимającego его из позднейшей перспективы древнерусской литературы, оно может казаться естественным. Между тем, если представить себе, что его должны были произносить греческие архиереи, прибывшие в страну, в которой христианство едва пустило корни и только начала создаваться церковная организация, его уместность и сама реальность ставится под большой вопрос. Эти люди, прекрасно зная «теорию богоустановленности власти», едва ли могли ее в тот момент применять к Владимиру. Согласно господствующим в Византии представлениям, единственным полноценным христианским правителем во всем мире был только византийский император. У него, разумеется, были особые полномочия (миссия), освященные Церковью, и он мыслился как источник справедливости. Но трудно допустить, что такие же полномочия и тот же сакральный ореол в рамках той же теории греческое духовенство сразу стало применять по отношению к правителю страны, которую в Византии привыкли воспринимать как исключительно дикую и варварскую.

На это обстоятельство справедливо обратил внимание недавно У.Ханак, указав несоответствие этого Поучения историческому контексту¹². К его соображениям надо добавить, что это Поучение является практически единственным даже не изложением, а просто упоминанием или намеком на теорию богоустановленности власти, которые можно найти и в ПВЛ, и вообще во всей литературе Киевской Руси XI – начала XII в.

Далее. Этот диалог, как выясняется, не очень согласован с последующим повествованием. Здесь мы переходим ко второму эпизоду рассказа, когда на сцену выходят «старцы».

Сам по себе этот эпизод выглядит, как и первый, вроде бы уместно. Решение Владимира заменить штрафы смертной казнью оказалось неудачным, в дело вмешиваются «старцы», и вместе с епископами (очевидно, теми же) они дают новую рекомендацию князю: не отменять выплаты за убийства, потому что доходы от этих выплат важны для содержания войска.

¹² Hanak W.K. The nature and the image of princely power in Kievan Rus', 980–1054: a study of sources. Leiden, 2014. P. 45–46, 167–169.

Несуразность и непоследовательность состоит в том, что епископы не только продолжают вмешиваться в вопросы, их совсем не касающиеся, – теперь уже и в проблемы «государственного бюджета» и содержания военных сил, – но и меняют свое мнение. Сначала они советовали одно: отменить виры, а теперь ровно противоположное: сохранить виры. Эта непоследовательность даже заставила А. А. Шахматова предполагать, что мы имеем дело с текстом, исправленным позднейшим редактором, а первоначально во втором эпизоде епископы не участвовали и совет князю давали только «старцы»¹³. Однако формальных оснований для таких предположений нет. Во всех текстологически релевантных в данном случае летописях (Новгородская 1-я летопись младшего извода – далее: Н1Лм, древнейшие списки ПВЛ и летописи группы так называемого Новгородско-Софийского свода) текст содержит упоминания епископов и «старцев» вместе. Никакого оправдания перемены мнений духовенства автор рассказа не приводит.

В двух эпизодах совсем разной оказывается реакция князя на предлагаемые ему рекомендации. В первом эпизоде князь мотивирует свои действия моральными соображениями: он боится греха. По контексту были бы вполне уместны ссылки на то, что он берет виры, действуя просто согласно сложившейся практике (которая сама по себе не могла вызвать нареканий с точки зрения нравственной), но их здесь нет. Зато такая ссылка появляется в заключении ко второму эпизоду и ко всему рассказу – князь стал жить «по устроенью отьню и дедню», – но при этом никто (ни герои рассказа, ни его автор) уже не вспоминает ни о морали, ни о богоустановленности власти.

Впечатление какой-то логической несообразности усиливается, если принять во внимание, что именно в заключительной фразе и именно в связи с религиозной стороной дела есть текстуальное расхождение между списками ПВЛ и списками Н1Лм, отразившей так называемый Начальный свод. Согласно схеме древнерусского летописания, предложенной А. А. Шахматовым, Начальный свод представляет памятник летописания более ранний (1090-е годы), чем ПВЛ, составленная в 1110-х годах. В списках ПВЛ эта фраза звучит так: «И живяше Володимер по устроенью отьню и дѣдню», а в Н1Лм так: Владимир стал жить «по устроению *божию* и дѣдню и отьню»¹⁴.

Смысл и фразы, и всего рассказа в зависимости от наличия или отсутствия одного, выделенного курсивом слова существенно меняется: одно дело, если князь просто вернулся к практике его предков (язычников, как сообщала сама же летопись), другое – если он сочетал традиционное право и «божие» установление. Во втором случае рассказ, пусть и не прямо и конкретно, но все-таки хоть как-то возвращается к теме христианского подхода к правосудию, обозначенной

¹³ Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах // Шахматов А. А. История русского летописания. СПб., 2002. Т. I, кн. 1. С. 390.

¹⁴ НПЛ. С. 167.

в первом эпизоде. На мой взгляд, предпочтение того или другого чтения представляется задачей совсем не малозначительной и маргинальной, какой она, очевидно, казалась до сих пор исследователям летописного известия, не обратившим никакого внимания на это текстуальное расхождение¹⁵. Выбор чтения тесно связан с предлагаемым чуть ниже решением недоумений, которые вызывает летописный рассказ.

Наконец, нельзя не отметить и вопросы, которые возбуждает рассказ по своей сути – с юридической стороны дела. Собственно, вокруг этого и развивалась в основном историографическая дискуссия: что же это были за виры, которые вроде бы отверг, а затем все-таки оставил Владимир? Но, как уже было отмечено, ясного решения так и не было предложено. Трактовка «по прямому смыслу» подразумевает, что под вирами имеется в виду штраф за убийство в пользу князя, что обычай взимать такой штраф восходит ко временам Игоря и Святослава и что Владимир оставил этот обычай неприкосновенным. Однако с такой трактовкой не согласуются данные X в., которые ничего о штрафах в пользу правителя (князя) не сообщают. Нелегко тогда объяснить и тот факт, что о вирах молчит Древнейшая правда (текст, восходящий к времени правления Ярослава, сына Владимира), хотя в то же время допускает месть (о которой молчит известие 996 г.). Есть мнение, что 40-гривенные выплаты за убийство, которые устанавливаются в Древнейшей правде, являются частными вознаграждениями потерпевшей стороне (композициями, по средневековой латинской терминологии). В таком случае виры «на оружие», которые якобы шли в княжескую казну, совершенно не соответствуют историческому контексту. Интерпретации Ключевского и Гётца, которые пытались обойти эти проблемы, трактуя известие не «по прямому смыслу», возбуждают разного рода сомнения¹⁶.

Все эти вопросы и недоумения можно, на мой взгляд, снять, если вскрыть суть той идейной конструкции, которую передает текст.

Уже первые слова рассказа – жизнь Владимира «в страхе божи» – обозначают и контекст рассуждений автора, и вместе с тем его главную задачу: связать тот предмет, о котором он будет говорить, с христианскими ценностями и тем самым оправдать (легитимизировать) его в той новой ситуации, в какой оказалась Русь после Крещения. Предметом его рассуждений становится вопрос о наказаниях для убийц. Но поскольку речь идет о наиболее тяжком и опасном для общества преступлении – умышленном убийстве, – можно думать, что подраз-

¹⁵ Только Д. Кайзер выделяет вариант Н1Лм, отмечая в примечании, что «религиозно настроенный летописец (the religious chronicler)» должен был хвалить деятельность князя-крестителя Руси как соответствующую божественным установлениям (Kaiser D. H. *The Growth of the Law in Medieval Russia*. Princeton, 1980. P. 224, not. 89). Но историк не раскрывает смысл этой хвалы в связи с самим летописным известием и не дает ответа, когда работал этот летописец – был ли он автором или редактором оригинального текста.

¹⁶ Критический обзор проблемы наказаний за убийство на Руси в X–XII вв. см.: Kaiser D. H. *The Growth of the Law...* P. 63–80.

умеается как бы вообще правосудие. За конкретным (прецедентом) тут надо видеть общее (систему).

С этой точки зрения совсем не случайным, а вполне закономерным является участие в дальнейшем рассказе (причем именно в обоих эпизодах) представителей Церкви, а также их Поучение с изложением идеи богоустановленности власти. Вне всякого сомнения, это Поучение автор привел в рассказе намеренно, даже, вполне вероятно, понимая его неуместность в устах греческих епископов, прибывших в новообращенную варварскую страну. Оно было для него очень важно. Чем же?

В этих немногих словах содержится настоящий переворот правового сознания. Дело не в смертной казни – это лишь частный момент. Вопрос ставится епископами гораздо шире: они обосновывают право князя на высший суд по важнейшему юридическому вопросу (а значит, и по всем остальным), санкционируя это право как божественное установление. Ничего подобного не знало языческое общество: там сакральной функцией обладал не правитель и вообще не отдельные личности, а вся община в целом, и суд в высшей инстанции, следовательно, мыслился как общинный (хотя бы даже полномочия на его осуществление могли передаваться кому-то персонально – например, жрецам или тем же князьям)¹⁷.

Идея богоустановленности власти заставляет видеть в князе гаранта социальной справедливости, и с ним связывается принцип публичного права. Князь оказывается носителем абсолютной справедливости (разумеется, постольку, поскольку он придерживается христианских норм и ценностей), превосходящей правовую систему, основанную на договоре (эксплицитно выраженном или имплицитно подразумеваемом) между отдельными личностями и общинами (родовыми или территориальными). Именно эту мысль хочет выразить автор рассказа, когда сообщает нам, что Владимир «отверг виры». Вряд ли речь идет о каком-то специальном указе князя. Может быть, не было даже и частных попыток вместо сбора штрафов «казнить» преступников. В конце концов, как было «на самом деле», мы не знаем. Важен символический смысл этих слов, простиупающий за конкретными терминами: следуя новому пониманию правосудия и своей роли как носителя публичного права, Владимир «отверг» сам принцип договорной условности языческо-общинного права.

Второй эпизод не является отрицанием первого. Здесь опять важны не столько конкретные действия, сколько их общий символический смысл. Обозначив один подход к проблеме правосудия, летописец, вводя в рассказ представителей общества – «старцев», вместе с ними обозначает и иной подход. Этот подход прагматический, смысл которого можно выразить так: отправление

¹⁷ Стефанович П. С. «Наши князи добри суть»: о сакрализации и десакрализации княжеской власти на Руси в X–XII вв. // ВЕДС. Вып. 26: Язычество и монотеизм в процессах политогенеза. М, 2014. С. 251–256.

суда – это не только осуществление неких идеалов, но и доход, а доход важен для казны, и не следует от него отказываться.

Нет оснований думать, что «старцы» хотели поставить под сомнение провозглашенный епископами принцип публичного права, санкционированного свыше. «Старцы» исходят не из частных своекорыстных интересов, а ссылаются, как бы мы сегодня сказали, на «государственные нужды» – необходимость содержать войско, очевидно, для защиты всего общества, то есть ради общественно-го (публичного) блага. Это, в общем-то, тоже следование принципу публичного права. Они просто допускают элементы частного договорного права тогда, когда это нужно по практическим соображениям. Именно так, на мой взгляд, надо понимать краткие слова «рать многа, оже вира, то на оружьи и на коних буди».

Эти слова не имеют в виду, что надо брать виру *всегда* и тем самым не применять «казней». Они подразумевают: виру надо брать, *когда* «рать многа», то есть в случае войны или военной угрозы, из чего следует, что в иных случаях князь сам может решать, когда брать штраф, а когда «казнить». Иными словами, в критических условиях «дефицита бюджета» рекомендуемой практикой является сбор штрафов, но это совсем не возбраняет князю прибегать, сообразуясь с высшими соображениями (как христианскому правителю, поставленному от Бога), и к иным наказаниям, в том числе смертной казни, – вследствие и ради «страха Божия», о котором автор напомнил читателю в первых словах рассказа. Приоритетными являются именно эти высшие соображения и собственное усмотрение князя; соображения о «рати» носят, собственно говоря, не обязательный, а рекомендательный характер.

О том, что противоречие двух эпизодов мнимое, говорит и еще одна деталь. В первом эпизоде вместе с «казнями» епископы предлагают «испыт». Очевидно, имеется в виду некое предварительное расследование. Но оно никак не могло противоречить сбору вир во время «рати», как потом предложили те же епископы и «старцы». Такого рода дело было вполне естественным для любой системы права, в том числе для обычного права дохристианской эпохи (и такие судебно-процессуальные практики известны по памятникам права – например, Свод в Русской правде, коренящийся в обычном праве). В основе требования проводить предварительное расследование лежит простая мысль: вне зависимости от того, какое предусмотрено наказание для преступника, надо прежде удостовериться, что он и в самом деле является преступником. Хотя, конечно, можно думать, что у епископов был и дополнительный мотив: исходя опять же из христианских ценностей, они в данном случае обращали внимание на ценность человеческой жизни. В любом случае интерпретация известия «по прямому смыслу» подразумевает, что второй совет отвергает и «испыт», и это выглядит неоправданно.

Если трактовать эпизоды не как колебания князя, а как два решения, второе из которых уточняло и дополняло первое, то гораздо логичнее выглядит то заключение всего рассказа, которое представляет фраза Н1Лм: «и живяше

Володимиръ по устроению божию и дѣдню и отню». Утверждение, что «устроение», по которому жил Владимир, было не только «дедне и отне» (как в ПВЛ), но еще и «божие», прямо возвращает нас к началу всего рассказа, где сказано, что Владимир жил «в страхе божьи». Такая «кольцевая» композиция не может быть случайна, за ней стоит главный смысл рассказа – показать, что Владимир, благодаря крещению и наставлениям представителей Церкви, стал понимать и осуществлять правосудие не только по «старине», но и по божественным установлениям. «Божье», естественно, стоит на первом месте, и именно с религиозной точки зрения предлагается первая рекомендация епископов князю. Второй совет корректирует эту рекомендацию, но ни в коем случае не отменяет, и в итоге Устроение Владимира идеально сочетает правовые принципы – новые, принесенные христианством, и традиционные, завещанные предками.

Текстология вполне оправдывает эти рассуждения. Согласно шахматовской схеме летописания, которая видит в Н1Лм отражение Начального свода 1090-х гг., текст именно этой летописи должен рассматриваться как более древний и близкий первоначальному по сравнению со списками ПВЛ. Значит, слово «божию» в этой фразе было первично, а составитель ПВЛ его удалил, очевидно, уже не понимая замысла оригинального рассказа и воспринимая его по «прямому смыслу», подобно современным исследователям, как сообщение о «неудачной реформе» князя Владимира.

Таким образом, в целом литературно-идейная конструкция, которую я вижу в известии о «казнях» и «вирах» Владимира, призвана была обосновать княжеский суд как публичное право с христианской точки зрения. Рассказ надо понимать, прежде всего, символически, то есть как своего рода притчу. Только такое понимание адекватно сохранившемуся тексту и не наталкивается на проблемы и противоречия.

Вместе с тем, на мой взгляд, было бы неправильно остановиться на этом и просто отставить в сторону этот текст как «выдумку» некоего книжника, не имевшую никакого отношения к реальности. «Сказка ложь, да в ней намек, добрым молодцам урок». И в этой притче должен был быть намек, актуальный в определенной среде в определенный момент. Как любой «миф» (в том смысле слова, который вкладывал в него Ролан Барт), она была «погружена» в определенный исторический контекст и адресована ему. Поняв этот контекст, мы сможем и точнее датировать текст, и лучше понять причины его создания.

Однако вопрос об историческом контексте предполагает сравнение фактических данных, содержащихся в этом тексте, о правовой практике на Руси с данными других источников. Датировать появление тех или иных юридических форм, их эволюцию и исчезновение на основании одного летописного известия невозможно, нужно исследование самых разных источников. В одной статье такая работа не может быть предпринята, и я, оставляя этот принципиальный вопрос пока открытым, ограничусь только несколькими замечаниями по этому поводу.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что автор нашего рассказа пишет только о княжеских «казнях» (смертной казни и, возможно, телесных наказаниях) и вирах (штрафах). Между тем мы знаем, что в эпоху Владимира убийство регулировалось также с помощью мести и частных вознаграждений-композиций (возможно, также поединков). О мести говорят и русско-византийские договоры X в., и Древнейшая правда. Пространная редакция Русской правды прямо говорит о композициях («головничество»), и по общим соображениям и косвенным данным надо думать, что этот институт, восходя к глубокой древности, существовал и в XI в. Автор текста не мог не знать о мести и головничестве, однако он писал только о вирах как штрафах в казну. Очевидно, он делал это сознательно. Умолчание об одном и акцент на другом – это приемы его нарративной стратегии. Стратегия направлена на легитимизацию княжеского правосудия, значит, автор пишет только о том, что относится к князю и вписывается в систему публичного права.

В этой перспективе представляется также неслучайным, что в центре всего рассказа стоят именно епископы. Для изложения «христианско-государственного» подхода к правосудию и судопроизводству автор мог бы выбрать и других героев-проповедников, в том числе одиночек – например, митрополита. Однако в рассказе фигурируют не просто представители церкви, но именно архиереи и именно во множественном числе. Объяснить это можно тем, что архиереи («епископы») составляли ту категорию, для которой старая «языческая» правовая система подходила менее всего – как чужеземцы и монахи они не имели защиты в обществе, где царил право частных «разборок» (будь то месть, поединок или компенсация). Возможно, именно этим объясняется и, казалось бы, немотивированное указание на «разбой» в начале рассказа. Оно могло указывать на недовольство населения христианизацией всей страны по княжескому указу. Естественно, далеко не все охотно принимали новую веру, и в этих условиях большая часть населения должна была особенно враждебно относиться к ее проповедникам и начальникам новой церковной организации. Не эти ли люди и имеются в виду под «разбойниками», с которых начинает свой рассказ летописец?

Как бы там ни было с «разбойниками», такие люди, как епископы, могли рассчитывать только на княжескую защиту, вне зависимости от того, какое наказание предусматривалось за покушение на их жизнь – телесные наказания, смертная казнь или штраф князю. Тогда понятно, почему именно в их уста автор вкладывает Поучение о богоустановленности власти и с их «подачи» князь признает публично-правовой принцип в наказаниях как «устроение божие и дедне и отъне».

Помимо духовенства были и другие «стратегически важные» для князя категории, которых нужно было оградить специальной защитой от посягательств. Это – люди на княжеской службе, свободные, но не укорененные в местной среде, то есть не имеющие в ней статуса и связей. И эти чуждые местному населению люди должны были между тем вступать в тесный контакт с

ним: одни как носители слова Божьего, другие как носители княжеского меча. Как и духовенство, княжеские слуги, прежде всего, военные (отроки или гриди) в эпоху Владимира, то есть около рубежа X–XI вв., были новым социальным элементом, который только искал своей «ниши» в общественной структуре¹⁸. Необходимость их содержать и их защищать создавала новую ситуацию как в финансовом смысле, так и в правовом. Потребность осмыслить, легализовать (оправдать) эту ситуацию и должна была вызвать к жизни такой текст, как летописное известие 996 г.

Автор явно писал тогда, когда идея публичного права и особого, освященного Божьей волей, княжеского правосудия еще не укоренилась в сознании. Эту идею надо было специально обозначить и легитимизировать авторитетом Владимира, а с другой стороны, привязать к «старине», то есть преподнести дело так, будто одно другому не противоречит. Игнорируя иные способы наказания убийц помимо «казней» и «вир», автор тем самым в подтексте, подспудно, возражает тем, кто считал эти способы правильными и легитимными. Значит, автор писал в тот момент, когда этот спор был актуален и когда были сильны или даже преобладали традиции частно-договорного правосудия («обычного права» языческого общества). Среди этих традиций наиболее яркой и вызывающе антихристианской и антигосударственной была месть.

Мечь допускается в Древнейшей правде, которую, как уже говорилось, следует возводить к эпохе правления Ярослава Мудрого, то есть 1020–1040-м гг. В Правде Ярославичей, составление которой относят к 1072 г. (или приблизительно к этому времени), о мести не говорится, а предлагается шкала штрафов (вир) за убийство княжеских людей. Составитель позднейшей Пространной правды даже приписывал Ярославичам отмену кровной мести. Насколько справедливо его суждение, можно спорить, но факт состоит в том, что Правда Ярославичей о мести не вспоминает – она ее игнорирует. Такое умолчание сближает этот документ с нашим летописным известием и заставляет еще раз подчеркнуть, что всё, о чем вообще упоминает его автор, несовместимо с местью – и смертная казнь, и «испыт», и виры как штраф в казну, и христианские ценности, и роль князя, и интересы казны... Если образы притчи, так сказать, переводить в сферу практических выводов, то из летописного рассказа вытекает ясно и однозначно – месть неприемлема. Естественно, этот вывод стоит в тесной и непосредственной связи с общей идеей текста о княжеском христианском правосудии. Эти рассуждения позволяют предположить, что наиболее остро и актуально текст звучал бы в ту эпоху, когда месть была еще признанным институтом права, но когда уже кристаллизовалось сознание, что она противоречит истинному правосудию, основанному на христианских ценностях и публичном праве. Если молчание Правды Ярославичей о мести и ее шкалу вир расценивать как практическое применение этого сознания, то составление ле-

¹⁸ См. подробнее: Стефанович П. С. Бояре, отроки, дружины... С. 263–358.

тописного известия логично относить ко времени, предшествующему Правде Ярославичей, примерно ко второй трети XI в.

Таким образом, летописный рассказ о «казнях» и «вирах» князя Владимира не является сообщением о каких-либо его «реформах» – успешных или безуспешных. Он представляет пример средневекового «мифологического повествования» – то есть притчи, которая образно-символически должна была объяснить некие базовые, «экзистенциальные» проблемы практической жизнедеятельности и легитимизировать некие исторические процессы или изменения. В данном случае автор оправдывал особую роль нового христианского правителя, каким стал Владимир после Крещения Руси, в отправлении суда. Вопрос о том, как карать убийц, стал поводом для утверждения принципа публичного права, воплощенного в княжеском правосудии. Но прямая формулировка этого принципа была бы недостаточна. Автор должен был исторически объяснить и вписать определенные перемены в сознании и в практике (если не состоявшиеся окончательно, то, во всяком случае, назревшие) в дискурс, строго ориентированный на традицию. Он не хочет противопоставлять новое и старое, а хочет их сочетать, но при этом твердо установить одну систему координат – христианские ценности и княжеская власть как их гарант и транслятор. В результате получилась довольно сложная конструкция. Но расшифровка ее позволяет приблизиться к пониманию очень важного исторического явления – как осуществлялась самоидентификация общества, переживавшего переход от архаического уклада к новому государственно-христианскому.

Список сокращений

- АЕ – Археографический ежегодник. М.
- АО – Археологические открытия
- БАН – Библиотека Российской академии наук
- БЛДР – Библиотека литературы Древней Руси. М.
- ВВ – Византийский временник. М.
- ВЕДС – Восточная Европа в древности и Средневековье: чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В.Т. Пашуто. М.
- ВИД – Вспомогательные исторические дисциплины. Л./СПб.
- ВЦИ – Вестник церковной истории. М.
- ГВНП – Грамоты Великого Новгорода и Пскова / подгот. к печ. В.М.Гейман, Н.А.Казакова, А.И.Копанев, Г.Е. Кочин, Р.Б.Мюллер, Е.А.Рыдзевская; под ред. С.Н.Валка. М., 1949
- ГИМ – Государственный исторический музей
- ГСУ – Годишник на Софийския университет «Св.Климент Охридски». Факултет на славянски филологии. София
- ГТГ – Государственная Третьяковская галерея
- ГЭ – Государственный Эрмитаж
- ДГ – Древнейшие государства Восточной Европы (до 1991 г.: Древнейшие государства на территории СССР: материалы и исследования). М.
- ДДГ – Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. / подгот. Л.В.Черепнин. М.; Л., 1950
- ДИ – Древнейшие источники по истории Восточной Европы
- ДРВМ – Древняя Русь. Вопросы медиевистики. М.
- ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения. СПб.
- ЗОРСА – Записки Отделения русской и славянской археологии Императорского Русского археологического общества. СПб.
- ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук

- ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
- ИОРЯС – Известия Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук (Академии наук СССР)
- ИРЛИ РАН – Институт русской литературы (Пушкинский дом) Российской академии наук
- КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Л.
- КСИС – Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР. М.
- Лавр. – Лаврентьевская летопись
- ЛХ – Летописи и хроники. М.; СПб.
- МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврики. Симферополь
- МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
- НА ИА НАНУ – Научный архив Института археологии Национальной академии наук Украины
- НА ИИМК РАН. РА – Научный архив ИИМК РАН. Рукописный архив
- НАЧ-2 – Новгородские археологические чтения, 2. Материалы научной конференции, посвященной 70-летию археологического изучения Новгорода и 100-летию со дня рождения основателя Новгородской археологической экспедиции А. В. Арциховского. Великий Новгород, 21–24 сентября 2002 г. / под ред. В. Л. Янина, А. С. Хорошева, Е. А. Рыбиной. Великий Новгород, 2004
- НГОМЗ – Новгородский государственный объединенный музей-заповедник
- НИС – Новгородский исторический сборник. Л./СПб.; Новгород
- НПЛ – Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / под ред. А. Н. Насонова. М.; Л., 1950 (репринт: М., 2000)
- ОАК – Отчет Императорской археологической комиссии. СПб.
- ПВЛ – Повесть временных лет. Изд. 2-е / подг. текста, перев., статьи и коммент. Д. С. Лихачева; под ред. В. П. Адриановой-Перетц; второе изд. подгот. М. Б. Свердлов. СПб., 1996
- ПДП – Памятники древней письменности, издаваемые Обществом любителей древней письменности
- ПДРКП – Памятники древнерусского канонического права
- ППИДР – Письменные памятники истории Древней Руси: летописи, повести, хождения, поучения, жития, послания: аннотированный каталог-справочник / под ред. Я. Н. Щапова. СПб., 2003

ПСРЛ. Т. 1, 2, 4/1, 4/2, 6, 6/1, 7, 9, 11, 13, 15, 16, 17, 20, 23–25, 27, 28, 30, 34, 35, 37, 38, 41–43 – Полное собрание русских летописей.

Л., 1928. Т. 1: Лаврентьевская летопись;

СПб., 1908. Т. 2: Ипатьевская летопись;

Пгр., 1915. Т. 4. Ч. 1: Новгородская четвертая летопись;

Пг., 1917. Т. 4. Ч. 2. Вып. 1: Новгородская пятая летопись;

СПб., 1853. Т. 6: Софийские летописи;

М., 2000. Т. 6. Вып. 1: Софийская первая летопись старшего извода;

СПб., 1856. Т. 7: Летопись по Воскресенскому списку;

СПб., 1862. Т. 9: Летописный сборник, именуемый Патриаршею, или Никонскою летописью;

СПб., 1897. Т. 11: Летописный сборник, именуемый Патриаршею, или Никонскою летописью;

СПб., 1904. Т. 13: Летописный сборник, именуемый Патриаршею, или Никонскою летописью;

СПб., 1863. Т. 15: Летописный сборник, именуемый Тверской летописью;

СПб., 1889. Т. 16: Летописный сборник, именуемый летописью Авраамки;

СПб., 1907. Т. 17: Западнорусские летописи;

СПб., 1910. Т. 20. Ч. 1: Львовская летопись;

СПб., 1910. Т. 23: Ермолинская летопись;

Пгр., 1921. Т. 24: Типографская летопись;

М.; Л., 1963. Т. 25: Московский летописный свод конца XV в.;

М., 1967. Т. 27: Никаноровская летопись; сокращенные летописные своды конца XV века;

М.; Л., 1963. Т. 28: Летописный свод 1497 г.; летописный свод 1518 г. (Уваровская летопись);

М., 1965. Т. 30: Владимирский летописец. Новгородская вторая (Архивская) летопись;

М., 1978. Т. 34: Постниковский, Пискаревский, Московский и Бельский летописцы;

М., 1980. Т. 35: Летописи белорусско-литовские;

Л., 1982. Т. 37: Устюжские и вологодские летописи XVI–XVIII вв.;

Л., 1989. Т. 38: Радзивилловская летопись;

М., 1994. Т. 39: Софийская первая летопись по списку И.Н. Царского;

М., 1995. Т. 41: Летописец Переяславля Суздальского (Летописец русских царей);

СПб., 2002. Т. 42: Новгородская Карамзинская летопись;

М., 2004. Т. 43: Новгородская летопись по списку П.П. Дубровского.

ПЭ – Православная энциклопедия. М.

РА – Российская археология. М.

- РИБ – Русская историческая библиотека
- РНБ – Российская национальная библиотека
- СА – Советская археология. М.
- СВ – Средние века: Исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени. М.
- СГИ – Славяно-германские исследования
- СД – Славянские древности: этнолингвистический словарь / под общей ред. Н.И. Толстого. М., 1995–2012. Т. 1–5
- СОРЯС – Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук. СПб.
- СР – Средневековая Русь. М.
- ТОДРЛ – Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы РАН (АН СССР). Л./СПб.
- Тр. КДА – Труды Киевской духовной академии. Киев
- ХЧ – Христианское чтение. СПб.
- ЦИР – Церковь в истории России. М.
- ЧИОНЛ – Чтения Исторического общества Нестора летописца. Киев
- ЧОИДР – Чтения в Обществе истории и древностей российских. М.
- ЭСПИ – Энциклопедия Слова о полку Игореве / сост. В.А. Виноградова. СПб., 1995. Т. 1–5.
-
- Byz. – Byzantion. Bruxelles
- Byz. HB – Byzantisches Handbuch im Rahmen des Handbuchs der Altertumswissenschaft
- BZ – Byzantinische Zeitschrift. München
- CFHB – Corpus fontium historiae Byzantinae
- CSHB – Corpus scriptorum historiae Byzantinae
- DOP – Dumbarton Oaks Papers. Washington
- EO – Echo d’Orient. Paris
- FRB – Fontes rerum Bohemicarum. Praha
- HUS – Harvard Ukrainian Studies. Cambridge (Mass.)

IOSPE³ – Inscriptiones Antiquae Orae Septentrionalis Pontis Euxini graecae et latinae.
Ed. 3 (<http://iospe.kcl.ac.uk/index-ru.html>)

JÖB – Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik. Wien

MGH SRG – Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum Germanicarum in
usum scholarum separatim editi

MGH SRG NS – Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum Germanicarum.
Nova series

Palaeoslavica – Palaeoslavica: International Journal for the Study of Slavic Medieval
Literature, History, Language and Ethnology. Cambridge (Mass.)

PG – Patrologiae cursus completus. Series Graeca / ed. J.-P. Migne. Paris

PLRE – Prosopography of the Later Roman Empire. Cambridge, 1971–1992. Vol. 1–3.

REB – Revue des études byzantines. Paris

RES – Revue des études slaves. Paris

RL – Russian Linguistics. International Journal for the Study of Russian and other
Slavic Languages

RM – Russia Mediaevalis. München

Scrinium – Scrinium: Revue de patrologie, d'hagiographie critique et d'histoire
ecclésiastique. СПб.

SEER – Slavonic and East European Review

Slavia – Slavia. Časopis pro slovanskou filologii. Praha

Slověne – Slověne/Словѣне. International Journal of Slavic Studies. М.

SSBP – Studia Slavica et Balcanica Petropolitana – Петербургские славянские и бал-
канские исследования. СПб.

UCLA – University of California (Los Angeles)

Сведения об авторах

Артамонов Юрий Александрович, Институт всеобщей истории РАН, Москва

Беляев Леонид Андреевич, Института археологии РАН, Москва

Белякова Елена Владимировна, Институт российской истории РАН, Москва

Василик Владимир Владимирович, Санкт-Петербургский государственный университет

Введенский Антон Михайлович, Санкт-Петербургский государственный университет

Верещагин Евгений Михайлович, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва

Вилкул Татьяна Леонидовна, Институт истории Национальной академии наук Украины, Киев

Виноградов Андрей Юрьевич, Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики; Институт всеобщей истории РАН, Москва

Гиппиус Алексей Алексеевич, Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики; Институт славяноведения РАН, Москва

Горский Антон Анатольевич, Институт российской истории РАН; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва

Ёлшин Денис Дмитриевич, Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург

Иерусалимский Юрий Юрьевич, Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

Кириллин Владимир Михайлович, Институт мировой литературы РАН; Московская Духовная академия, Москва

Конявская Елена Леонидовна, Институт российской истории РАН, Москва

Лаушкин Алексей Владимирович, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Лебер Таисия Алексеевна, Майнцкий университет им. И. Гутенберга (Германия); Институт всеобщей истории РАН

Лукин Павел Владимирович, Институт российской истории РАН, Москва

Мельникова Елена Александровна, Институт всеобщей истории РАН, Москва

Назаренко Александр Васильевич, Институт всеобщей истории РАН; Институт российской истории РАН, Москва

Петрухин Владимир Яковлевич, Институт славяноведения РАН; Российский государственный гуманитарный университет, Москва

Преображенский Александр Сергеевич, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова; Государственный институт искусствознания, Москва

Пуцко Василий Георгиевич, Калужский областной художественный музей

Ранчин Андрей Михайлович, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Рождественская Милена Всеволодовна, Санкт-Петербургский государственный университет

Рождественская Татьяна Всеволодовна, Санкт-Петербургский государственный университет

Рычка Владимир Михайлович, Институт истории Национальной академии наук Украины, Киев

Архимандрит Сильвестр (С. П. Лукашенко), Ярославская епархия

Стефанович Петр Сергеевич, Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики; Институт российской истории РАН, Москва

Темчин Сергей Юрьевич, Институт литовского языка, Вильнюс (Литва)

Толочко Петр Петрович, Институт археологии Национальной академии наук Украины, Киев

Флоря Борис Николаевич, Институт славяноведения РАН, Москва

Щавелев Алексей Сергеевич, Институт всеобщей истории РАН, Москва